

Это хоу Анле, которого все в Чанъане обожают. Он вырос в роскоши, и его настроение полностью зависит от одной-единственной мысли. В хорошем настроении он может вознести человека на небеса, а в плохом — раздавить в грязи. Однако его перемены происходят так быстро, что люди оказываются застигнуты врасплох и даже не успевают подготовиться.

Хэ Ланьлин опустил глаза, поклонился и ответил: «Да».

Когда он повернулся, чтобы уйти, он услышал, как Ли Аньле небрежно велел ему попросить Чжи принести еще одну тарелку имбирного супа.

Его тон был очень спокойным, как будто произошедшего беспорядка и не было.

С наступлением ночи в тёплом павильоне горели лишь две лампы, отбрасывая тусклый жёлтый свет. В углу ярко горела серебристая угольная жаровня, запах смешивался с ароматом бензоинового благовония.

Ли Аньле ссутулившись сидел на большой кровати, покрытой слоями парчи, держа в руке недавно приобретенную игрушку — стеклянный шар размером с голубиное яйцо, инкрустированный тонкой золотой фольгой. При вращении он мерцал золотым светом. Он только что получил его из дворца вдовствующей императрицы и с удовольствием играл с ним.

Дверь со скрипом осторожно открылась.

Хэ Ланьлин стоял в дверях. Он переоделся и теперь был одет в серебристо-серый тонкий халат. Ткань была настолько тонкой, почти прозрачной, и сквозь неё смутно проступали подтянутые мышцы. Шелковая лента в тон была небрежно завязана вокруг его талии, добавляя образу нотку роскоши.

Он был явно одет как наложник, но стоял совершенно прямо, больше напоминая зверя в клетке, вынужденного носить такую странную одежду.

Ли Аньле взглянул на него, продолжая крутить шар, и лениво спросил: «Кто тебе велел так одеться?»

Хэ Ланьлин опустил глаза и тихо сказал: «Чжи сказала, что когда хоу встречается с кем-то по вечерам, ему следует одеваться более небрежно».

Ли Аньле усмехнулся: «Она определённо вмешивается». Но в его тоне не было ни малейшего упрека. «Иди сюда».

Хэ Ланьлин, следуя его указаниям, шагнул вперед и остановился всего в двух шагах от кровати.

Только тогда Ли Аньле внимательно посмотрел на него, его взгляд скользнул от слегка распахнутому воротнику к поясу на талии, а затем снова вернулся к его лицу.

При свете черты лица Хэ Ланьлина стали еще четче. Его надбровные дуги были высокими и прямыми, а глазницы — глубже, чем у мужчин из Чанъаня. Он обладал уникальной внешностью человека с Северной границы. Однако его кожа была бледной и холодной, и в свете серебристой ткани приобретала странный, яркий оттенок.

Ли Аньле похлопал по подставке для ног рядом с кушеткой — это был низкий табурет, покрытый толстым войлоком, который изначально использовался слугами, чтобы вставать на

колени и отвечать на вопросы.

«Не нужно становиться на колени», — сказал Ли Аньле, подняв подбородок, словно в знак награды. «Сядь здесь».

Хэ Ланьлин был ошеломлен. Он поднял взгляд на подставку для ног и сел, как ему было велено, приподняв одежду. Он сидел очень прямо, колени были вместе, руки на коленях, но его одежда создавала несколько неуместное и неловкое ощущение.

«Посмотри вверх», — понизил голос Ли Аньле с ноткой уговора, — «дай-ка я хорошенько тебя рассмотрю».

Хэ Ланьлин поднял голову, как ему было велено, и пальцы Ли Аньле уже коснулись его подбородка, прохладные кончики пальцев ласкали его челюсть.

«Тц», — сказал Ли Аньле с оттенком искреннего восхищения, — «В Северной территории, безусловно, очень благоприятная среда; удивительно, что именно там появилось такое лицо, как у тебя».

«Ты чего-то хочешь? — Голос Ли Аньле смягчился еще больше, словно он уговаривал ребенка. — Денег? Власти? Или ты хочешь по-настоящему утвердиться в Чанъане и перестать быть заложником, которым другие могут манипулировать?»

С каждым произнесенным словом его кончик пальца приближался к глазу Хэ Ланьлин, наконец остановившись на дрожащих ресницах и нежно поглаживая их.

Хэ Ланьлин поднял глаза и посмотрел прямо на Ли Аньле: «У этого подчиненного нет других просьб, кроме как попросить Ваше Высочество защитить брата».

Кончик пальца Ли Аньле все еще оставался у его глаза. Услышав это, он замер, подняв бровь, словно не расслышал: «Ты просто хочешь его защитить?»

Он отдернул руку, в его голосе звучали недоверие и насмешка: «А тебе не нужно что-нибудь другое? Например, власть?»

Власть — это так здорово... Я поговорю со своим дядей и устрою тебя на официальную должность, что скажешь?»

Он поднял пальцы и пересчитал их один за другим, словно дразня питомца: «Начать с должности капитана кавалерии шестого ранга? Командуя императорской гвардией, можно спокойно ходить по улицам Чанъаня, и никто не посмеет тебя остановить.

Слишком низко? Тогда Чжунлан пятого ранга, который может присутствовать в суде и следить за государственными делами, и которому не придется кланяться этим аристократическим отпрыскам; все еще недостаточно?

Как насчет Шаоцина четвертого ранга? Он отвечает за часть системы уголовного правосудия, и любой, кто захочет прикоснуться к твоему брату, дважды подумает.

Если ты сможешь завоевать мою благосклонность, то Шилан третьего ранга тоже не исключен...»

Он всё больше и больше воодушевлялся, но Хэ Ланьлин молчала. Ли Аньле сделал паузу,

досчитав до «третьего класса», и повернулся, чтобы посмотреть на Хэ Ланьлинь.

Мужчина по-прежнему смотрел вниз, его поза была явно покорной, но это упрямство, не поддававшееся смягчению, было подобно занозе, заставляя сердце Ли Аньле трепетать от беспокойства.

«Что?» — голос Ли Аньле похолодел: «Шестой ранг слишком низок? Пятого ранга недостаточно? Или ты считаешь, что то, что я предлагаю, недостойно твоего статуса заложника с Северной границы?»

Хэ Ланьлин молчал, опустив голову.

«Говори!» — внезапно повысил голос Ли Аньле, терпение которого иссякло от его молчания. С резким лязгом осколки стекла, смешанные с золотой фольгой, разлетелись во все стороны.

«Ах ты, мерзавец!» — выдохнул Ли Аньле, его грудь слегка вздымалась от гнева. — «Ты думаешь, ты такой важный? Я говорю с тобой вежливо, а ты важничаешь?!

Кем ты себя возомнил? Принцем Севера? Ты всего лишь пленник! Тот факт, что я предоставляю тебе официальную должность, — это большая честь! Не испытывай судьбу!»

Внезапно гневный крик Ли Аньле застрял у него в горле, и его внезапно охватил зуд. Он инстинктивно прикрыл рот рукой: «Кашель... кашель...»

Когда он кашлял так сильно, что едва мог дышать, его худые плечи и спина резко вздымались при каждом кашле.

Хэ Ланьлинь почти инстинктивно встал. Он не осмелился подойти слишком близко, а лишь присел рядом с Ли Аньле. Немного поколебавшись, он наконец поднял руку и осторожно положил ее на спину Ли Аньле. Движение было очень легким, осторожным и нерешительным.

Ли Аньле закрыл глаза, в горле чесалось и болело. Ему потребовалось много времени, чтобы отдышаться, прежде чем он наконец смог хриплым голосом сказать: «Убирайся, не трогай меня!»

Хэ Ланьлин сделал паузу, лишь немного замедлив движения, чтобы успокоить рану: «Господин, пожалуйста, успокойтесь, чтобы не навредить своему здоровью».

Когда дыхание Ли Аньле постепенно успокоилось, он медленно выпрямился и вернулся в исходное положение.

«Хоу сказал, что я ваша собака». Голос оставался ровным, без малейшего намека на эмоции: «Собаке не нужна официальная должность».

Ли Аньле, едва успев отдышаться, снова задохнулся. Он сердито посмотрел на него и сказал: «Ты смеешь так говорить?!»

Рука Ли Аньле, поднятая в воздухе, все еще была слабой от кашля, но в тот момент, когда она опустилась, она внезапно набралась сил и с характерным шлепком ударила Хэ Ланьлиня по лицу.

«Ты зашёл слишком далеко! Я сказал тебе встать на колени, так что ты должен встать на колени! Я сказал тебе ползать, так что ты должен вилять хвостом и молить о пощаде! Неужели

ты думаешь, что я не справлюсь с тобой!»

Хэ Ланьлинь медленно повернул голову, щека, которую он ударил, была ярко-красной, и он спокойно посмотрел на Ли Аньле.

«Господин, пожалуйста, успокойте свой гнев», — сказал он. — «Ваш подчинённый знает, что был неправ».

Фраза "Я признаю свою ошибку" была произнесена слишком легкомысленно и без всяких эмоций, что не только не погасило гнев Ли Аньле, но и лишь усилило его.

Ли Аньле хотел снова выругаться, но у него внезапно перехватило дыхание, и он невольно повернул голову и сильно закашлялся. Кашлял он так сильно, что всё его тело задрожало, и он даже не мог сесть. Ему оставалось только крепко держаться за рукав Хэ Ланьлинь, чтобы не упасть.

Ли Аньле закашлялся так сильно, что по его лицу потекли слезы. Гнев в его сердце смешался с чувством бессилия, обжигая его так сильно, что у него болели внутренние органы.

Этот приспешник.

Он подумал.

Я должен заставить его по-настоящему испытать страх!

<http://bllate.org/book/17608/1641345>